

Владимир Гурвич Людмила Котлярова ДВА ЛИКА ЛУНЫ

НОСОВ И КРОТКОВ

Вадим Носов направлялся к главному редактору с плохим предчувствием. Как только тот его вызвал, у него сразу же возникла мысль, что это не к добру. За то время, что работал в журнале, Носов ни разу не был в его кабинете. Впрочем, особенно удивляться этому вряд ли стоит, у него такими рядовыми журналистами как он, Вадим, набито несколько комнат. И если с каждым он будет индивидуально беседовать, времени на основную работу просто не хватит.

Но именно поэтому этот вызов выглядел особенно угрожающим. Скорей всего его работой недовольны. А потому нельзя исключить, что его вежливо попросят написать заявление об уходе. Такое в его жизни уже случилось.

Носов работал в журнале три месяца. И эта работа ему нравилась, он совсем не хотел уходить. После того, как он закончил институт, кем он только себя не пробовал. Но постоянно чувствовал, что это не его. Приходилось уходить. А вот в журнале такого ощущения не возникало. Он с

детства любил писать. Судя по отзывам, у него это неплохо получалось. Не случайно его хвалила и ставила другим в пример учительница по русскому языку и литературе. И если его карьера журналиста сегодня завершится, для него это будет сильным ударом. А значит, следует сделать все, что в его силах, чтобы этого не случилось.

Вадим Носов остановился возле массивных дверей приемной главного редактора. Ему остается сделать еще несколько шагов, и он узнает свою судьбу.

Кабинет главного редактора был невероятно большой. В нем свободно могло разместиться двадцать рабочих мест. Зачем ему такие хоромы, невольно мелькнула у Носова мысль. Ведь за аренду приходится платить немалые деньги. А руководство постоянно жалуется на их нехватку, отказывается повышать зарплаты журналистам.

Главный редактор Леонид Борисович Кротков сидел за большим письменным столом. Блики солнца отражались на его лысой голове. У него была некрасивая внешность, ее он пытался компенсировать дорогим костюмом, сорочкой с золотыми запонками и ярким галстуком.

— Вызывали, Леонид Борисович? — спросил Носов.

Леонид Борисович посмотрел на него, как на незнакомого человека, но уже через секунду его

взгляд изменился.

— А, Вадим. Заходи. Садись. У меня к тебе важный разговор.

Сердце Носова упало куда-то вниз, примерно на уровень пяток. Он уже практически не сомневался, о чем будет их разговор. Ему стало тоскливо.

— Слушаю вас, Леонид Борисович, — постарался бодро произнести он.

Леонид Борисович неожиданно вышел из-за стола, подошел к журналисту и покровительственно похлопал Носова по плечу.

— Ты уже у нас в журнале, сколько работаешь? — спросил главный редактор.

— Два месяца.

Неожиданно Кротков захохотал.

— Да, ты у нас старожил. Молодец, ты мне нравишься. Твой последний материал вполне на уровне. Я собираюсь его премировать повышенным гонораром.

— Спасибо, Леонид Борисович. — Носов вдруг почувствовал такую сильную благодарность к Кроткову, что ему даже захотелось поцеловать ему руку.

— Мне то что говорить спасибо, себе скажи. Заслужил, получил. Себя благодари за старание. У нас в журнале все по справедливости: кто хорошо работает, тот хорошо и лопает. Того мы двигаем

вперед к новым высотам.

— Я буду стараться, — заверил Носов.

— Старайся, старайся, — одобрительно кивнул головой главный редактор. — Сколько тебе лет?

— Двадцать семь.

Теперь Леонид Борисович уже задумчиво покачал своей лысой головой.

— В двадцать семь пора уже становиться настоящим журналистом, зубром. В твои годы мое имя уже гремело.

— Вот увидите, мое имя тоже скоро загремит.

— Это хорошо, что ты так думаешь, — одобрил главный редактор. — Журналист должен быть честолюбив. Он должен, как бульдозер, лезть напролом. Такая у нас, брат, с тобой профессия.

— Я понимаю. Я готов лезть.

— Вот и замечательно. — Кротков снова занял свое место за огромным письменным столом. — Как раз есть такая возможность лезть напролом. Я вот все думал, кому это поручить. Задание сложное, но если справишься, твое имя прогремит на всю страну.

— Я готов! — едва от радости не вскочил со стула Носов.

Леонид Борисович пристально посмотрел на него.

— Ты уверен?

— Не сомневайтесь. Я справлюсь.

— Ладно, ладно, это я так, для острастки. Но задание, в самом деле, не простое. Слышал ли ты когда-нибудь про такую особу по фамилии Юлия Никольская?

Носов наморщил лоб, он попытался запустить мотор своей памяти на самые мощные обороты, но она ничего ему так и не сообщила.

— Вроде бы что-то слышал. Но только не помню, что, — дипломатично проговорил он.

Леонид Борисович откровенно усмехнулся.

— Эх, молодость, молодость. А ведь еще каких-то двадцать лет назад миллионы молодых людей только при одном звуке ее имени начинали тут же онанировать. А ваше поколение даже его и не слышало.

— Я слышал, но... — пробормотал Носов.

Леонид Борисович засмеялся.

— Да не смущайся, в этом-то и вся соль. Еще не так уж и давно имя гремело, а теперь почти полностью забыто. А ведь как гремело! Наш брат журналист называл ее секс-символом эпохи. А какие скандальные статьи про нее писались. И не зря. Знаешь, как она начала свою карьеру?

— Нет. Расскажите. — Всем своим видом Носов демонстрировал максимальную заинтересованность.

— Переспала с одним очень известным

режиссером. Он ее за это снял в одном фильме. Половину сцен она в нем ходит голой.

Совсем? — удивился Носов.

— Ну, не совсем, но почти. А когда фильм имел шумный успех и сделал ей имя, она послала режиссера куда подальше. Зачем такой молодой и красивой бабенке, вокруг которой вьется рой поклонников, нужен какой-то старик-импотент. А он взял от огорчения через несколько месяцев да и дал дуба. Прямо во время съемок другого фильма. Инсульт — и нет мужика.

— Здорово. Начало мне нравится.

Кротков хитро улыбнулся.

— Я знал, что тебе это понравится. И таких историй у нее в биографии целая масса. Хватит на несколько толстых романов. Но я от тебя написать роман не требую. У нас задача скромней. Надо всем напомнить об этой артисточке. Страна не должна забывать своих героев. Особенно сексуальных. Верно?

— Еще как верно, — горячо поддержал своего начальника его подчиненный.

— Вот я и хочу тебе поручить покопаться в ее биографии. Нужно сделать такой репортаж, чтобы журнал наш вырывали бы из рук, как пирожки в обед. Все, что есть пикантное, вывалить на читателей. Пусть читают и писаются от удовольствия. А если еще к этому добавить с

десяток очень пикантных снимочков.

Представляешь, какая бомба может взорваться.

— Конечно, представляю, не дурак же.

— Теперь все зависит только от тебя.

Справишься?

— Землю буду грызть, — заверил Носов.

— Правильно, так и надо. Ты только ее не жалей, таких жалеть нельзя. Она мужиков использовала, как ракета ступени для подъема. Так что прижимай ее к стенке. Выгонит, снова иди. Не стесняйся, она же никогда не стеснялась. Веди себя так, как она вела себя. Делай, что хочешь, хоть трахай ее с утра до вечера, но выжми из нее все самое смачное. У нее этого добра выше крыши. И не делиться с другими, просто грех. Если справишься, то ты на коне. Причем, на самом лучшем скакуне. Только учти, такие дамочки жутко ушлые, они прошли огонь и воду. Их голыми руками не возьмешь. Она может начать давить на жалость. Начнет лапшу на уши вешать про свою несчастную судьбу. Не поддавайся, она же артистка, она любую роль сыграть может.

— Меня не проведешь.

— Вот это правильно, вот это по-нашему.

— А где она сейчас работает, раз о ней ничего не слышно?

— Точно не знаю, в каком-то маленьком театрике. Чуть ли не самодеятельном. Да и где еще

ей работать, раз вышла в тираж. Все самое интересное у нее случилось в молодости. А про то, что сейчас с ней происходит, это нам не нужно. Пусть сама в этом дерьме купается.

— Я понял.

Леонид Борисович достал из ящика стола папку и протянул ее Носову.

— Вот возьми эту папку. Здесь собраны материалы про нее, я специально дал задание все подготовить. Прежде чем наносить визит этой дамочке, сначала со всем внимательно ознакомься. Тут много всего интересного, начнешь читать, всю ночь не оторвешься, пару раз кончишь. Ну а потом топай к ней.

— Не беспокойтесь, Леонид Борисович, я с такими особами обращаться умею. Меня ей не провести. Она все нам расскажет, как миленькая.

— Давай, давай, это твой звездный шанс. Сделаешь имя на этой бабе, дальше все пойдет как по маслу.

— Спасибо за задание, я сумею.

— Но учти. Времени не так уж и много. Я запланировал материал в следующий номер.

— Тем лучше, раньше проснусь знаменитым, — улыбнулся Носов.

Главный редактор кивнул головой, И по выражению его лица, сразу же ставшим отчужденным, Носов понял, что разговор окончен.

Он встал, попрощался и вышел из кабинета.

Леонид Борисович проводил его взглядом.

— Посмотрим, на что ты сгодишься, малыш, — пробормотал он. — Интересно, что представляет собой нынче этот секс-символ? Поди самая настоящая развалина. Ладно, будем ждать, что получится у этого непризнанного гения. Кажется, честолюбие его я разбудил. Вдруг не прогадаю.

Носов прошел на свое рабочее место. С одной стороны он был несказанно рад, что вопрос об его увольнении не стоит. С другой — полученное задание его не слишком обрадовало. Это в кабинете главного редактора он хорохорился, изображал из себя уверенного в себе человека. На самом деле, оно его сильно беспокоило. Он смутно представлял, как отправится к совершенно незнакомой женщине и станет выпытывать историю ее жизни. Да она его тут же пошлет куда подальше. И будет совершенно права, ничего другого он и не заслуживает.

Но и выхода у него нет, на кону его работа в журнале. Об этом главный редактор сказал почти открытым текстом. Так что хочет от того или нет, но придется выполнять задание. И не просто выполнять, а хорошо это делать. Так, как нужно его начальнику.

Носов грустно вздохнул и открыл полученную от главного редактора папку.

НОСОВ И НИКОЛЬСКАЯ

Носов приближался к квартире Никольской. И чем ближе он подходил к ее дому, тем сильнее колотилось его сердце. Он еще никогда не попадал в подобную ситуацию. Он должен втереться в доверие к женщине, выведать всю ее подноготную, а затем сделать ее достоянием всей страны.

Не то, чтобы эта задача была для него неприемлемой. Перед тем, как идти сюда, он прочитал о Никольской все, что только мог. И был согласен со своим главным редактором — эта еще та штучка. Она использовала других людей, точнее, мужчин на протяжении всей своей артистической карьеры, как используют своих слуг для получения услуг. А когда их получала, то бросала своих партнеров, как ненужный порванный полиэтиленовый пакет. Так что жалеть ее нет оснований.

И все же Носов никак не мог побороть какой-то внутренний дискомфорт, он, словно корабль, бороздил по его душе и лишал покоя и уверенности. Но при этом журналист отчетливо понимал, что на кону большой приз — его будущее. И ради него он должен сделать то, чего от него ждут. А сантименты оставить на потом. Тем более, победителя не судят.

Носов посмотрел на номер дома. Он пришел по правильному адресу. Теперь осталось войти в подъезд, подняться на нужный этаж. И он увидит свою героиню уже не только на фотографиях и фильмах, но воочию.

Звонок домофона застал Никольскую за важным делом — она варила кофе. Еще в молодости она пристрастилась к этому напитку и с тех пор не могла прожить без него и дня. А точнее, нескольких часов. Сегодня это была уже его вторая порция.

Никольская не сразу поняла, что звонит домофон. Она никого не ждала, а потому его зов не сразу добрался до ее сознания. Скорей всего кто-то по ошибке набрал номер ее квартиры, это случается довольно часто. В любом случае у нее нет желания никого видеть.

Звонок в домофон повторился, и Никольская поняла, что это все же не ошибка, кто-то, в самом деле, хочет ее видеть. Она подошла к домофону и нажала на кнопку.

— Кто там ко мне рвется? Я никого не жду, — прокричала для убедительности она в домофон.

Из него раздался мужской голос.

— Здравствуйте, Юлия Владиславовна. Это Вадим Носов.

— Не знаю никакого Вадима Носова. До свидания.

— Да как же, мы же с вами вчера говорили по телефону. Я журналист. Вы сказали, что могу приходить. И час назначили. Вот я и пришел минута в минуту.

Никольская внезапно вспомнила: в самом деле, был вчера какой-то разговор, кто-то позвонил ей и попросил о встрече. В тот момент она была не совсем трезва, перед завтраком выпила пару рюмочек. И не помнит, что она сказала своему абоненту. Кто ее знает, возможно, действительно согласилась на встречу. Вот дура! А теперь неудобно отказывать в ней. Он же не знает, что она в ту минуту мало что соображала. Вечно она заложник своего характера.

— Теперь помню, в самом деле, кто-то вещал по телефону. Так я вам обещала аудиенцию? — на всякий случай спросила Никольская, хотя уже не сомневалась, что так оно и было.

— Вы разве забыли? — донесся сквозь помехи до нее мужской голос.

— Дел других у меня нет, как только помнить всякую ерунду, — буркнула она. — Ладно, верю, что обещала. Я такая, много чего обещаю, а потом жалею. Но раз так, проходите. Только предупреждаю, что я не в настроении с вами разговаривать. И вообще с кем бы то ни было.

— Я готов это вытерпеть, — пообещал ее невидимый собеседник.

— А вам разве не сказали, что когда я не в настроении, то меня невозможно вытерпеть, — сделала она последнюю попытку отменить встречу.

— В общем, говорили, что у вас тяжелый характер.

— И зачем вам его испытывать на себе. Впрочем, если вам так угодно. Входите.

Никольская надавила на кнопку домофона.

«Что ему надо, давно ко мне никто из журналистов не заглядывал на огонек. Ладно, посмотрим, что это за фрукт», произнесла она мысленно короткий монолог.

Носов позвонил в дверь, которая отворилась почти мгновенно. Он вошел в квартиру.

— Здравствуйте, Юлия Владиславовна.

Никольская окинула его изучающим взглядом.

— Вот вы какой, — неопределенно произнесла она.

— Какой?

— Да, совсем молодой. И как только вас ко мне послали.

— А что это, так страшно?

— Некоторые считают меня чуть ли не исчадием ада, — усмехнулась женщина. — Я бы на вашем месте сто раз подумал, прежде чем оставаться здесь.

— Я пришел не для того, чтобы сразу уйти, — заверил ее Носов.

— Я вижу, ради встречи со мной вы готовы на многое. И что вы от меня хотите? Я по телефону ничего не поняла, да и не пыталась понять.

— Наш журнал хочет написать о вас большой иллюстрированный материал. В свое время вы были известной артисткой, вас называли секс-символом эпохи. Читателям будет интересно вспомнить о тех временах. К тому же известно, какая у вас бурная биография. Я в последние дни ее внимательно изучал.

— Вы решили стать моим биографом?

— В каком-то смысле, да. А чем я вам не подхожу?

Никольская еще раз окинула его изучающим взглядом.

— Да нет, вполне. Мордашка симпатичная, рост высокий. Терпеть не могу низкорослых мужчин. Ни с одним низкорослым не спала.

— Какой интересный факт! — радостно воскликнул Носов.

— Я так понимаю, вас интересуют только такие факты. С кем спала, сколько раз, кому и с кем наставляла рога, кого отправила на тот свет и каким способом?

Носов в словах Никольской почуял подвох, но и отступить ему было некуда. Он в очередной раз вспомнил наставление главного редактора.

— По-моему, очень даже интересно. Читатели

в восторге от таких подробностей.

Никольская задумчиво покачала головой.

— Значит, моя задача привести в восторг ваших читателей? Очень почетная миссия. И что я должна для этого сделать. Позировать в голом виде?

— Если вы не против, то завтра я приду с фотографом. Он все сделает в лучшем виде.

— У меня дряблая грудь. Он может как-то поправить эту ситуацию?

— Он все может, вы себя не узнаете. Поверьте, все будут в восторге.

— Какая заманчивая перспектива. Вы ко всем с такими предложениями подкатываетесь. Или это только я удостоилась такой великой чести?

— Разумеется, не ко всем, а только к тем, кто этого достоин. В свое время вы были очень известны.

— Я прекрасно знаю, какая у меня была репутация. И вы решили ее использовать по полной программе.

— Что ж в этом такого. Сейчас все так поступают. Да и вы свое получите.

— И что же я получу?

— Очень даже много получите. О вас уже совсем забыли. А после репортажа снова вспомнят. Так что вам есть прямой резон согласиться.

— И я так понимаю, чем пикантней, тем

лучше. У вас как в журнале принято давать снимки совсем голых дам или немножко одетых?

— А по-разному. Я бы вам предложил совсем голой. Это всегда больше привлекает. А вы даже очень неплохо для своих лет сохранились. Многие на вас западут.

— Это чрезвычайно лестно, что найдутся те, кто на меня западет. А то уже давно никто не западал.

— Вот видите. Может, прямо сейчас и начнем. А то мне главный редактор отвел совсем немного времени.

— Я должна раздеться?

— Не сегодня, когда придет наш фотограф.

— Как жаль, — разочарованно вздохнула Никольская. — А мне просто не терпится предстать голой. Давно со мной такого не случалось. Может, и вы заодно западете.

— Не исключено. Вы мне нравитесь.

— Я польщена. А вот вы мне — нет. По-моему вы очень наглый примитив. В свое время подобных вам экземпляров я табунами выпроваживала пинками из своих будуаров. Конечно, я была тогда моложе, и мне это легко давалось. Но ради вас чего не сделаешь. Я могу вспомнить былые навыки. И тоже выпроводить вас пинками. Или вы сами уйдете? Как вы предпочитаете?

Носова охватила паника. Еще минуту назад все так прекрасно шло, а сейчас он на грани полного фиаско. Что-то надо срочно делать.

— Послушайте, мы же можем обо всем договориться, — почти взмолился он. — Журнал даже готов вам заплатить. Подумайте.

— Да я еще на этом могу и подзаработать. Какое счастье. Вы правы, от вас надо избавляться только пинками, сами такие, как вы, не уходят. Всегда терпеть не могла наглых юнцов. А знаете, я даже получу удовольствие, выпроваживая вас. Считаю до трех — и начинаю.

— Пожалуйста, я сам уйду. Только потом жалеть будете всю оставшуюся жизнь. Ведь о вас все напрочь забыли, так больше никогда и не вспомнят. Кто теперь знает, что была такая артистка Юлия Никольская? Да расспросите прохожих на улице, никто из них вашего имени и не припомнит. А мы даем вам шанс.

— Начинаю пинать, — предупредила женщина.

— Ну и сидите в этом своем склепе.

— Не твое дело, идиот, — вдруг грубо произнесла она. — Где хочу, там и буду сидеть. И чтобы я больше твою наглую физиономию никогда не видела здесь. И совсем у тебя мордашка не симпатичная, а очень даже противная. Ни одна приличная женщина не захочет иметь с тобой дело.

Носов вдруг почувствовал сильную обиду.

— Если под приличной женщиной вы понимаете себя, то мне таких и не надо. А вот вы вышли в тираж и никогда уже в него не войдете.

— Катись.

— Качусь. Счастливо оставаться.

Носов сделал всего несколько шагов и оказался за дверью квартиры Никольской.

НОСОВ И НИКОЛЬСКАЯ

Целый день Вадим был сам не свой. Когда он вышел из дома Никольской, то был уверен, что сюда он ни за какие соколовища больше не вернется. Она выставила его, как случайно забредшую бездомную собаку.

Первым его импульсом было отправиться в редакцию и доложить Кроткову о своей полной неудаче. Материала о секс-символе прошедшей эпохи он не сделает.

Спустившись в метро, Носов даже поехал в сторону станции, рядом с которой располагалась редакция. Но на полпути передумал, вышел из вагона и сел на ветку, которая вела к его дому.

Дома он долго сидел в кресле, размышляя над ситуацией. Что-то его смущало в ней, но что он сразу не мог уловить. Да, Никольская его выгнала, причем, довольно грубо. Но чем больше он думал

об этом, чем больше вспоминал, как это выглядело, тем сильнее у него возникало убеждение, что не так уж и сильно она была на него разгневана. Не случайно же она все же впустила его в квартиру, хотя прекрасно знала, кто он и зачем к ней явился. А затем выслушала его. Ему в какой-то момент даже показалось, что в ее глазах заискрился интерес к его словам. Правда, продержался он недолго, но ведь главное другое — все-таки она не безоговорочно отвергла идею написать о ней статью. Означает ли это, что у него сохраняется шанс?

Вадим стал размышлять, как ему поступить в такой ситуации. Он должен повторить свою попытку установить с ней контакт. Как хорошо, что он ничего не сказал главному редактору, в этом случае для него, Носова, все бы уже кончилось. Оставалось только забрать вещи из своего рабочего места и покинуть редакцию. А так остается надежда на то, что он может еще остаться в ней работать. А ему это очень хочется. И ради этого стоит предпринять еще одну попытку, как бы безнадежной она на первый взгляд не казалась.

Решено, завтра он повторит попытку навести мосты с Никольской. А пока можно заняться и другими делами.

На этот раз Носов решил не предварять свое появление телефонным звонком. Если она не

захочет с ним говорить, то тогда уж точно идти к ней бессмысленно. Лучше поставить ее перед фактом, а там уж, как кривая выведет.

Он подошел к двери и надавил на кнопку звонка. Сердце отчаянно колотилось, он был готов к любому развитию событий. Он не удивится, если она ему даже не откроет. И даже если ударит его, то это тоже не будет для него большой неожиданностью.

Дверь отворилась, на пороге возникла Никольская. Почему-то он не заметил на ее лице и следов удивления. Она спокойно смотрела на него, как на старого знакомого, заглянувшего на огонек.

— А, это опять вы, молодой наглец, — почти без всякой интонации произнесла она. — Насколько я помню, мы на сегодня не договаривались о встрече. Мы вообще никогда не договоримся. Можете выметаться.

Если бы она произнесла эти слова соответствующим тоном, он бы так и поступил — развернулся и молча бы ушел. Но весь ее вид вовсе не свидетельствовал о том, что она хочет, чтобы он сделал это.

— Я бы на вашем месте не стал так горячиться, а пригласил бы меня в гостиную, — закинул он удочку.

— Да я вас дальше прихожей не пущу и не надеюсь, — возмущенно произнесла она.

— Я всегда надеюсь на лучшее, не лишайте меня этой возможности.

— Ну и надейтесь себе на здоровье, только за дверями моей квартиры, — пожалала она плечами. — Можете хоть целый год надеяться, меня это не волнует.

— Я думаю, вас многое еще волнует в этой жизни, — не согласился Носов.

— Но это не то, что вы себе возомнили. А то, что вы думаете обо мне, на это мне вообще наплевать.

— Откуда вы знаете, что я думаю о вас.

— Да это у вас на лбу написано прописными буквами. Такие, как вы могут даже не утруждать себя словоизлияниями, все понятно и так.

— Да, я внимательно изучил вашу биографию, мне действительно не надо ничего даже додумывать. В прессе прошлых лет ваш портрет представлен очень наглядно. С точки зрения мужчины вы очень даже ничего.

— Я бы внесла небольшую поправку: не с точки зрения мужчины, а с точки зрения самца.

— Пусть будет так, но и вы, чего уж там лукавить, были настоящей хищницей, пожирающей мужчин, их здоровье, деньги, жизни. Вы их использовали в хвост и в гриву именно как самцов.

Теперь Никольская рассердилась по-настоящему. Ее глаза заблестели.

— Ну, хватит. Меня достаточно поливали грязью в свое время. Я за последние годы от этого уже отвыкла. Я не желаю воскрешать в своей памяти атмосферу прошлых лет. А вы пытаетесь это сделать. Но я вам это не позволю. Так, что пошел вон, мой дорогой. Топайте отсюда своими ножками, пока я не воспользовалась своими и не вынесла вас на пинках.

— Вы мне это обещали еще прошлый раз, но не сделали. Я был послушен и удалился сам. Неужели я не заслужил поощрение за свое примерное поведение.

— Хорошо, продолжайте, как начали. Будьте снова примерным мальчиком и идите отсюда без моего содействия.

— Уйти я могу, но вы же понимаете, что послезавтра я приду опять. В ваших интересах избавиться от меня, как можно быстрее.

Никольская задумчиво посмотрела на своего визитера.

— Действительно, вы мне начинаете слишком действовать на нервы. Как бы мне избавиться от вас, уже наверняка.

— Это проще простого. Поделитесь с нашими читателями парой тройкой своих историй. Чем пикантней, тем лучше. А еще лучше, чтобы это были истории, о которых раньше никто не знал.

— А о моих историях никто никогда ничего

не знал.

— Ну, как же, — не поверил он. — О вас написали целые тома в свое время.

— Это все сказки, которые к реальной жизни не имеют никакого отношения.

— Так это даже лучше. Давайте, сказки превратим в быль. Пусть все узнают правду, наконец.

— Если вы полагаете, что моя правда еще более пикантна, чем сказки, то я вас разочарую.

— Настоящего журналиста трудно разочаровать, он из любого материала сделает сенсацию.

— А вы, я вижу, себя относите именно к таковым.

Носов вдруг почувствовал, что их поединок начинает склоняться в его сторону. Он не только все еще находится в квартире Никольской, но она уже начинает ему что-то про себя объяснять. Надо дожать ее.

— Без ложной скромности могу сказать, что я не просто такой. Я могу удовлетворить всех одновременно: и публику и моего клиента. Все останутся довольны. Если вы доверитесь мне, то уверяю вас, вы не разочаруетесь.

— Доверять журналистам? Это все равно, что доверять тигру, находясь в его клетке.

— Но отчего-то вы захотели это сделать.

— С чего это вы взяли?

— Да хотя бы с того, что я вот уже полчаса нахожусь в вашей квартире и вместо того, чтобы решительно выгнать меня, вы этого до сих пор не сделали. Зато мило со мной беседуете. А знаете почему?

— Интересно было бы узнать вашу версию.

— В глубине души вы уже готовы сотрудничать со мной, но как любая женщина жаждете, чтобы вас уламывали. Я же вижу, что согласие уже готово сорваться с ваших прекрасных губ, но вы пока медлите.

Никольская внезапно расхохоталась.

— Вы поглядите на него. Вдобавок к своей наглости, он еще и психолог. Хотя, должна признать, что сейчас впервые, за то время пока вы мне мозолите глаза, вы заслужили аплодисменты. Я на самом деле в нерешительности. Я ведь до сих пор не оставляю надежду на то, что мир узнает правду обо мне.

— Так зачем же дело стало. Перед вами стоит порядочный человек, который готов выполнить это ваше желание.

— Откуда мне знать, может вы порядочная скотина, а не порядочный человек. Я слишком хорошо знаю вашего брата журналиста, чтобы верить им. В свое время подобные вам тоже пели мне про свою порядочность. В результате я всегда

оставалась облитой грязью, а ваша братия при хороших деньгах. Представляю, какие бабки заработали на мне такие, как вы. Вот и вы хотите заработать на мне и вовлечь меня, при этом, в очередную авантюру.

— Вам все равно придется это сделать. Ведь я вам ужасно надоел. А единственный способ избавиться от меня, — это наше взаимное сотрудничество. Да и какие я получу деньги? А вот хороший материал не останется не замеченным. А я напишу на самом деле хороший материал. И чтобы мои слова не были голословными, я принес вам кое-что из своих работ. Вот посмотрите и убедитесь. Может, это вас смягчит, и вы согласитесь поделиться со мной своими воспоминаниями.

Носов из сумки извлек небольшую папку и протянул ее Никольской.

— Ладно, садитесь вон на тот диван. А я пока почитаю.

Просить Носова дважды не было никакой необходимости, он едва не побежал в сторону дивана. Сев на него, стал молча смотреть, как Никольская читает его статьи. Их было немного, всего три, и он не был уверен, что они произведут на нее благоприятное впечатление. Но другого портфолио на данный момент у него не было.

— Ну, что ж выглядит неплохо, если это не

подтасовка, — резюмировала она. — И вы мне действительно уже до смерти надоели. Хочу от вас избавиться и как можно скорее.

— Я знал, что вы согласитесь! — обрадовано воскликнул Носов.

— Разве я согласилась?

— Ну, конечно же! Наконец-то вы сделали выбор, и вы не пожалеете, уверяю вас.

— Сладко поете, — с сомнением произнесла Никольская.

— Вы останетесь довольны, когда прочитаете мой материал.

— Вы думаете, это будет действительно интересно? Я ведь никогда ничего старалась не читать о себе. Принципиально. Я зареклась это делать после той грязи, которую обрушили на меня газеты и журналы после выхода моего первого фильма. Это испытание оказалось слишком тяжелым для меня.

— Вы имеете в виду фильм «Строго конфиденциально»?

— Да, там я играла девушку по вызову. До сих пор удивляюсь, как этот фильм вообще вышел на большой экран. Он в прокате был совсем недолго. Его потом запретили. Но резонанс от его появления я испытывала на себе еще долгие годы.

— К сожалению, я не видел этот фильм. Я тогда еще под стол пешком ходил. А вот

публикации тех лет я изучил довольно подробно.

— Да, чего там только не понаписали. До сих пор с содроганием вспоминаю те гнусные статейки.

— Но, тем не менее, взрыв вашей скандальной популярности начался именно с этого фильма.

— Мне от этого легче не стало. Моя героиня оказалась белой вороной на фоне образцово-показательных киногероинь тех лет. Мне за нее досталось по полной программе.

— Но, вы же не могли не знать этого, когда соглашались на роль в этом фильме.

— Когда я прочитала сценарий, я отказалась. Но потом все изменилось, я влюбилась в Слуцкого, это был его проект, и мне уже было все равно, что это за роль. Лишь бы быть рядом с ним.

— Но ведь вы потом бросили его, когда съемки были закончены. А он не смог перенести этот удар, который и привел к его трагической кончине.

Никольская посмотрела куда-то в сторону, затем перевела взгляд на Носова.

— Вы повторяете сейчас сплетни, которые публиковали в то время об этой трагедии в газетах. А все было совсем не так. Ни одна живая душа не знала ничего из того, что на самом деле произошло между нами. Мне было слишком больно об этом не то, что говорить, я даже думать не могла на эту тему долгое время. А вот сейчас я вам расскажу,

как все это было. Видимо для этого пришло время... Вам повезло, я решилась, наконец, — и вы напишите свою статью. Хотя быть может, я потом об этом сильно пожалею.

Никольская опустилась в кресло и задумалась. Прошло пять минут, но обещанного рассказа так и не последовало. Носов сидел, не шелохнувшись, боясь спугнуть нечто хрупкое, то, что могло означать ее согласие. Он не был до конца уверен в том, что она выполнит свое обещание и поделится с ним своей историей. Уж очень своенравный и непредсказуемый характер она демонстрировала. От нее можно было ожидать чего угодно.

Носов выжидающе смотрел на Никольскую. Она сидела в кресле, облокотившись правой рукой о подлокотник, задумчиво перебирая пальцами складки своего платья. На ней было длинное бархатное платье в пол, темно-вишневого цвета с глубоким декольте. Платье, скорее-всего было старое, решил Носов, сшитое еще в те времена, когда она могла открыто демонстрировать миру свою прекрасную грудь. Сейчас же декольте было предусмотрительно прикрыто тонким полупрозрачным шарфом, сколотым на плече изящной брошью.

«Странная женщина, — подумал Носов, — и дома одевается, как на сцене». Носов перевел взгляд на ее лицо. Никольская смотрел прямо перед

собой и не обращала на него внимания. Это позволило ему хорошенько рассмотреть ее. Хотя он и видел ее уже не в первый раз, но с самого начала она показалась Носову злобной фурией, старой и некрасивой. Но сейчас, когда лицо ее хранило спокойствие, она преобразилась и словно помолодела на несколько лет. Прямая спина, гордая посадка головы, серебристо-седые волосы, уложенные в высокую прическу, делали ее похожей на королеву.

Никольская продолжала молчать. Из открытой форточки доносились звуки мелодии. Низкий женский голос пронзительно пел что-то о неразделенной любви. Пахнуло прохладой. Никольская поежилась и резко встала. Она подошла к письменному столу, выдвинула верхний ящик и достала оттуда альбом.

Этот старый потертый фотоальбом Никольская доставала редко. Окунаться в прошлое она не любила. А альбом хранил в себе память тех дней и когда она была счастлива и когда, наоборот, изнемогала под тяжестью бремени жизненных передряг. Отчего-то в ее жизни все случалось именно так: все чрезмерно, выпукло, рельефно. И плохое, и хорошее в ее судьбе чередовалось в строгой последовательности, как по расписанию, вытеснив своим присутствием вялое течение серой повседневной жизни.

Никольская открыла альбом и перелистала несколько страниц. Взгляд ее остановился на черно-белой фотографии. Арсений Слуцкий был снят в павильоне киностудии. Орлиный профиль, пронзительный взгляд голубых глаз, волосы с проседью слегка растрепаны, как всегда. Она не помнит его ни разу аккуратно причесанным. Даже, когда они вместе появлялись на официальных мероприятиях, и она строго следила за его внешним видом, он все равно умудрялся как-то незаметно все испортить. Ерошил волосы рукой в самый неподходящий момент, когда уже нельзя было ничего исправить.

Слуцкий смотрел не в кадр, а немного в сторону, кого-то внимательно слушая. В его глазах светился живой интерес к собеседнику, вернее к собеседнице. Она не вошла в снимок. Фотограф снял одного Слуцкого, но Никольская знала на кого он так заинтересованно смотрит на этой старой фотографии и какие слова сорвутся с его губ в следующий момент.

СЛУЦКИЙ И НИКОЛЬСКАЯ

— Я пригласил вас, чтобы выразить вам свое восхищение. — Слуцкий широко улыбнулся, обнажая великолепные зубы. — По результатам кинопроб вы вне всякой конкуренции. Это

очевидно. Ваше лицо просто создано для камеры.

— Неужели я получу эту роль! Я не верю в такое счастье.

Спустя годы Никольская помнила каждое слово того памятного разговора, который навсегда изменил ход истории ее жизни.

Это была их первая встреча. Конечно, она его видела и ни раз. Знаменитый кинорежиссер, снимавший самые трогательные фильмы о любви. Выход каждой новой его картины знаменовался неизменно длинными очередями в кассы кинотеатров и давками за билетами. Она с девчонками из своего класса много раз стояла в таких очередях. С невероятным трудом добыв вождеденный билет, она сидела потом в полутемном зале кинотеатра и, затаив дыхание, следила за перипетиями любовной истории очередной киногероини, ярко и живо, представляя себя на ее месте.

После окончания школы она не сомневалась ни минуты и отнесла свой аттестат в приемную комиссию ВГИКА. Она тщательно готовилась к вступительным экзаменам, но особых иллюзий на поступление не питала. Каково же было ее удивление, когда она увидела свою фамилию в списках принятых.

Став студенткой, она полностью погрузилась в учебу и с усердием принялась постигать азы

актерского мастерства. На втором курсе она осмелилась принять участие в пробах на новый фильм Слуцкого. К тому времени она уже тайно была в него влюблена. Впрочем, ни она одна. Поэтому высокому статному, хотя и не молодому красавцу сохли почти все студентки их курса, несмотря на то, что возраст у него по сравнению с ними был довольно почтенный. Ему было сорок девять лет.

— Я склоняюсь к мнению, что возможно именно вы станете героиней моего фильма. — Слуцкий в упор посмотрел на Никольскую. Ничего особенного, но у нее от его взгляда вдруг пошел озноб по коже.

— Мне кажется, я сплю. Неужели это правда? — путаясь в словах, пролепетала она.

— Очень может быть. Но у меня есть некоторые сомнения, — задумчиво произнес Слуцкий, не отрывая от нее глаз. Она заметила, что в их голубизне появился новый оттенок. Маленькая темная точка в глубине его зрачков стала увеличиваться в размерах, закручиваться в воронку, медленно втягивая ее в себя.

Никольская почувствовала слабость в коленях.

— Вы думаете, я не справлюсь? — прошептала она.

— Хочу вам сказать, что, несмотря на вашу

фотогеничность, мне нелегко сделать окончательный выбор в вашу пользу. У вас очень серьезные соперницы. Вот хотя бы эта Маркова. У нее уже есть два фильма, роли в театре и она не без таланта. А вы еще очень и очень молоды. — Воронка в его глазах значительно расширилась и уже мощно и властно захватывала и увлекала ее всю в свой стремительный водоворот. Никольская тряхнула головой, сбрасывая с себя это внезапно свалившееся на нее наваждение.

— Я тоже не без способностей. Меня на нашем курсе хвалят все преподаватели. — Она старалась говорить спокойно, но голос ее дрожал. Наваждение никуда не исчезало. Она впервые вот так близко от себя видела Слуцкого и очень ясно понимала, что стоящий перед ней мужчина безумно нравится ей.

— Я видел ваши студенческие работы, мне они понравились, поэтому я и пригласил вас на пробы. — Слуцкий сделал несколько шагов по направлению к ней, сократив расстояние между ними недопустимо близко. Во всяком случае, ей так показалось. Ей хотелось отступить немного назад, чтобы сохранить прежнюю дистанцию между ними, но ноги отказывались повиноваться. Тело сковала страшная неловкость. Воронка в его глазах продолжала пульсировать, и Никольская опустила глаза.

— Я так мечтала об этой роли, — жалобно произнесла она. — Она мне даже по ночам стала сниться.

— Ну, это уже никуда не годится. — Слуцкий вдруг рассмеялся. — По ночам такой молодой девице надо крепко спать. Иначе на съемках вы просто не выдержите.

Слуцкий наклонился к Никольской так близко, что она почувствовала запах его парфюма.

— Кстати о ночах. Раз вы все равно не спите, то не могли бы одну из них подарить мне, а не вашей будущей героине?

Никольскую будто ударили хлыстом. Она вскинула голову и посмотрела на него. Очарование его глаз исчезло. Гибельная воронка в его зрачках продолжала пульсировать, но она теперь не имела над ней абсолютно никакой власти. Ее внутренняя стыдливая женственность была уязвлена до глубины души.

— Что вы хотите этим сказать, я вас не понимаю, пролепетала Никольская. — Но это было неправдой, она прекрасно понимала, о чем он.

Никольская отступила на полшага назад. Но он снова приблизился к ней, сократив расстояние между ними до неприличия близкого. Слуцкий наклонился к ее уху.

— Я хочу, чтобы сегодня ночью вы были моей, а завтра утром вы уже будете утверждены на

эту роль.

Никольскую обдало жаром. Она почувствовала на своем бедре его руку. Рука была горячей и жгла ее тело сквозь тонкую ткань платья. Никольская с негодованием отбросила его руку.

— Как вы можете. Я вас просто боготворила, а вы...

— Никого не надо боготворить, моя девочка. Боги на небе, а мы с вами на грешной земле. Нам с вами лучше оставаться людьми. — Слуцкий с легкой усмешкой смотрел на нее. В его глазах она не увидела и тени раскаяния. Она надеялась, что он все это обратит в шутку, но Слуцкий был предельно серьезен. Он и в самом деле намеревался пропустить ее через свою постель. Это был тот самый путь, который вел прямой дорогой к роли.

— Нет, лучше я никогда не получу эту роль, лучше я вообще не буду артисткой, но спать с вами не буду! — Никольская бросилась прочь из павильона киностудии.

НОСОВ И НИКОЛЬСКАЯ

Носов выслушал рассказ Никольской с легким оттенком недоверия.

— Неужели все так и было на самом деле?

— Да, я его отвергла.

— А что было дальше?

Никольская захлопнула фотоальбом и положила его на место.

— Я навсегда решила покончить с карьерой актрисы. Я все бросила и уехала в свой родной город.

За окном стали сгущаться сумерки. Никольская включила торшер рядом с креслом.

— И что вы собирались там делать? — спросил Носов.

— Я решила, что буду медсестрой. — Никольская опустилась в кресло. — Город, из которого я родом очень небольшой. Там не было ни одного института, только одно медучилище. Вот я и решила, что поступлю в него, а затем буду работать в местной больнице.

— И вы хотите, чтобы я вам поверил? — Носов недоверчиво качнул головой. — Неужели из-за одной неудачной шутки режиссера, вы решили оставить сцену, оставить столицу. Этого не может быть.

— Может. Потому что дело было не в одном Слуцком, но еще и во мне. — Никольская достала тонкую сигарету из изящного портсигара, лежащего на туалетном столике. — Я ведь была им серьезно увлечена. Он тогда для нас молодых студентов был просто бог. Все девчонки с нашего курса были в него влюблены. Он на самом деле был неподражаемый мастер, талант, творец, гений.

Трудно было даже представить себе, что можно приблизиться к его Олимпу. И вдруг это божество предлагает мне совершенно цинично такую грязь, такую низость. Да еще таким тоном, будто речь шла о чем-то совсем обычном. Для меня романтической и влюбленной в него девочки это был настоящий удар, шок. Я совсем не так представляла свою первую любовь.

Никольская продолжала держать незажженную сигарету в пальцах. Носов пошарил в карманах и достал свою зажигалку.

— Вы хотите сказать, что никого раньше до него не любили? — Он встал и подошел к Никольской. Крутанув колесиком, Носов протянул ей зажженную зажигалку.

Никольская нагнулась к его руке и прикурила. Носов смотрел на нее сверху вниз, и видел только тщательно уложенные кольцами волосы. Лица ее не было видно. Ткань платья плотно обтягивала стройное тело. Она казалась довольно молодой женщиной.

— Нет, не любила. — Никольская глубоко затаилась и откинулась назад. — Это было мое первое большое чувство к мужчине. Оно к тому времени не успело даже как следует оформиться, а его взяли и так грубо растоптали.словно цветок.

— Но вы ведь все-таки снялись в этом фильме. Как вам это удалось?

— Я ничего специально не предпринимала для этого. Слуцкий сам примчался за мной в мой город. Он просил прощения, говорил о своих чувствах ко мне, даже стоял на коленях. Было очень трогательно. Но я ему не верила. И тогда он предъявил такой аргумент, что я не устояла.

— Интересно, что же это было.

— Его пригласили на Каннский фестиваль в состав жюри. А он взял и отказался. И все это ради того, чтобы доказать мне, что я для него гораздо важнее этого очень заманчивого предложения. Этим он меня покори́л. Ну, конечно, не только этим одним. Он так красиво описал мне мою героиню, что мне просто не терпелось ее сыграть. Хотя по сценарию репутация ее была очень сомнительной. И я не знала, стоит ли мне соглашаться на эту роль. Но Слуцкий умел убеждать...

В потоке воспоминаний Никольская видела эту сцену совершенно отчетливо.

СЛУЦКИЙ И НИКОЛЬСКАЯ

— Вы меня удивляете, почему вы упрямитесь. Сыграть в моем фильме мечтает любая актриса. И не только начинающая, но и довольно известная. По-моему, вы не совсем понимаете, какая удача на вас свалилась. — Слуцкий сидел на стуле в ее крохотной комнатке, в которой она жила в доме

своих родителей. На лице его было написано недоумение. Похоже, он искренне не понимал, отчего она упрямится.

— Это неправда, я понимаю. Сыграть в любом из ваших фильмов посчитает за счастье любой артист. — Никольская старалась не смотреть ему в глаза. Она боялась опять быть втянутой в губительную глубину его зрачков. Попасть под их гипноз, означало полностью подчиниться его воле.

— Тогда в чем дело? Объясните. — Слуцкий скрестил на груди руки и положив ногу на ногу, стал ею раскачивать. С подошвы его ботинка отвалился комок грязи и упал на чисто вымытый пол.

— Дело в героине. Здесь в городе я внимательно изучила сценарий. И увидела все в другом свете. Я не хочу играть такую девушку. — Никольская по-прежнему не смотрела ему в лицо, предпочитая разглядывать грязную подошву его ботинок.

— Насколько я помню, когда я вам объявил о вашем вероятном утверждении на эту роль, вы были просто в восторге, вы не верили своим ушам. Что же такого произошло за это время, что ваше мнение так кардинально переменилось? — Слуцкий отметил, что она намеренно избегает его взгляда. По своему опыту он знал, что часто так ведут себя влюбленные в мужчину юные неопытные девушки.

Ему хотелось думать, что она влюблена в него.

— Тогда я не совсем вникла в характер этой девушки. Да и не важно это было для меня. Мне не терпелось попасть на съемочную площадку, почувствовать себя настоящей актрисой. — Никольской казалось странным, что он задает ей подобные вопросы, что не понимает в чем причина ее отказа. Неужели это можно не понимать. Чтобы он понял, наконец, придется сказать ему все в глаза прямым текстом. Но, как такое можно произнести. Она совершенно не представляла, ей было стыдно и неловко. Только чего стыдиться, ведь это не она, а он...

Никольская собралась с духом.

— А потом... потом после вашего циничного предложения...,- Никольская всхлипнула. Она усилием воли старалась сдержаться, готовые брызнуть из ее глаз слезы.

Слуцкий наблюдал за ее героическими усилиями. Он прекрасно понимал ее чувства, но ему совсем не хотелось щадить ее. Раз выбрала такой путь, пусть хлебнет из этой чаши сполна. Чем раньше пройдет через все тернии своей профессии, тем лучше. Трезвый взгляд на вещи никогда не бывает лишним. Впрочем, отчего-то рядом с ней на него вдруг накатывает сентиментальность.

— Ну, что вы, что вы, не надо. Я ведь уже извинился перед вами за то, успокойтесь. — Он

достал из кармана брюк платок и приложил его к глазам девушки.

Никольская растрогалась. Он ей казался в тот момент таким искренним. Но потом это ощущение исчезло, и в ее голове снова зазвучали его циничные слова. Где он настоящий? Она не понимала и как вести себя с ним. Поэтому она решила, что просто будет искренней.

— В тот момент я поняла, что это за девушка, ваша героиня. — Никольская вскинула голову и впервые за все время их разговора посмотрела ему в глаза. Его лицо излучало доброжелательность. Никольская приободрилась. Ее голос зазвенел. — Ваша героиня на подобные предложения всегда отвечала согласием. А мне это противно в принципе. И я не могу играть то, что мне противно. — На этот раз она не опустила глаз, а продолжала спокойно смотреть на него. Это оказалось совсем несложно и даже легко.

— Настоящая актриса должна сыграть все, что угодно, — тоном ментора произнес Слуцкий. — Она всегда сможет найти оправдание для своей героини.

— До настоящей актрисы мне еще очень и очень далеко.

— Так вот и используйте выпавший вам шанс. В моем фильме вы пройдете такую школу мастерства, какую вам не даст ни один вуз.

Никольская не верила ему. А может быть, она что-то не понимает? Ее охватило отчаяние.

— Но я не умею оправдывать никакие мерзости, даже ради того, чтобы сыграть в вашем фильме. — Она продолжала по инерции отстаивать свою правду.

Слуцкий посмотрел на нее, как на умственно отсталую.

— А вам ничего не нужно оправдывать. Вам просто стоит понять, что это за девушка, которую вам предстоит сыграть. Вы на нее смотрите глазами человека, который мыслит категориями мрачного средневековья, того самого, где тело человека и его нужды были объявлены грехом. Если вам кажется, что те времена прошли безвозвратно, то вы ошибаетесь.

Никольская внутренне сжалась от его слов. Ей стало неприятно от того, что он сравнивает ее чуть ли не с пещерным человеком. Ей отчаянно хотелось выглядеть в его глазах раскованной и современной, но она-то знала, что она не такая. Она провинциальная стеснительная, полная предрассудков барышня.

— Как вы можете проводить такие сравнения, мы с вами современные люди, — попыталась возразить она. Хотя уже в конце этой фразы уже понимала, что он сейчас камня на камне не оставит от ее жалкого лепета.

— То-то и оно, что многие наши современники совсем не современны, — Слуцкий в упор посмотрел на нее. — Они воспринимают этот мир через призму ханжеской морали и готовы отправить на костер каждого, кто мыслит легко и свободно, не так, как они.

Никольская поняла, что он намекает на нее.

— Как ваша героиня? — спросила она.

Слуцкий опустил ногу на пол и наклонился вперед, облокотившись руками о колени.

— Да, как моя героиня. Эта девушка олицетворяет собой новый тип женщины. Женщины, не скованной цепями условностей, женщины активной и предприимчивой. Она не сидит тихонько на диване своей квартиры и не ждет, когда ей на голову свалится пресловутый сказочный принц. Она активно стремится быть счастливой.

Слова Слуцкого снова больно царапнули Никольскую. Ей все время казалось, что это он говорит о ней, а не о своей героине. Неужели она так безнадежно отстала от жизни? Никольская, как могла, защищала себя.

— Таким способом, какой выбрала она, не станешь счастливой. Ведь все эти мужчины просто пользуются ею. — Она высоко вскинула голову, полностью уверенная в своей правоте.

— Вовсе нет, — горячо возразил Слуцкий. —

Это она их использует по полной программе и берет от каждого то, что ей необходимо. Может кого-то и покоробит такой практичный подход к партнерству. Но, поймите, Юленька, это не просто корысть девушки, желающей сорвать сиюминутную выгоду. Это манифестация активной жизненной позиции. Моя героиня еще очень молода, чтобы правильно расставлять акценты в пьесе под названием жизнь. Она совершает ошибки, но она же на них и учится. В конечном итоге из нее вырастет женщина, умеющая правильно ориентироваться в окружающем мире, умеющая противостоять его жестокости и остаться при этом женщиной в полном смысле этого слова.

Никольская растерялась. Она слушала Слуцкого и против своей воли соглашалась с ним. Хотя всегда считала, что девушки легкого поведения достойны только осуждения. Но он так умело убеждал ее в обратном, что она не сомневалась в его правоте. Оставались лишь небольшие колебания.

— Может, вы и правы. Похоже, что я слишком поверхностно восприняла образ этой девушки. Но вы уверены, что это именно тот путь, которым следует идти?

Слуцкий вскочил со стула и стал быстро ходить по комнате.

— Да ни в чем я не уверен. О господи, как ты

не понимаешь, что искусство задает вопросы, но не отвечает на них.

Никольская отметила, что он перешел на ты. Ей это понравилось. Слуцкий приблизился к ней и остановился в нескольких шагах от нее. Глаза его горели.

— Отвечают политики, — продолжал он с жаром, — потому так и жить в мире страшно. Мы лишь предлагаем некую модель поведения, а зритель сам решает, как к нему относиться. И наша задача не осуждать, ни восхвалять и даже не морализировать, наша задача нащупать в этом сплошном тумане, которым является жизнь, еще один путь, по которому можно идти. Плох он или хорош, куда в конечном итоге приведет — это все не нашего разума дело. Ты должна предстать такой, чтобы все сказали: да, это реально, это то, что давно сидит во всех нас и просится наружу. И мы очень боимся, что однажды это вырвется. А вот она, молодец, не боится. И если тебе удастся это показать, значит, ты настоящая актриса, настоящий мастер. И твоя задача только в этом и ни в чем другом. А ты начинаешь размышлять, можно ли так себя вести. Но если человек, артист ставит перед собой такие ограничения, он перестает быть художником. Это только толпа во всем ищет хорошее или дурное, а искусство поднимается над этим и просто показывает увиденную своим острым